

ФИЛОСОФИЯ

Н. О. ЛОССКИЙ И В. Н. ЛОССКИЙ: ДУХОВНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СИНХРОННОСТЬ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКИХ И БОГОСЛОВСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Сергей Александрович Колесников

доктор филологических наук
проректор по научной работе
Белгородской православной духовной семинарии
профессор Белгородского юридического института МВД России
308009, Белгород, Белгородский пр-т, 75
skolesnikov2015@yandex.ru

Для цитирования: Колесников С. А. Н. О. Лосский и В. Н. Лосский: духовно-генетическая синхронность религиозно-философских и богословских взглядов // Вопросы богословия. 2021. № 1 (5). С. 147–161. DOI: 10.31802/PWG.2021.5.1.009

Аннотация

УДК 27-75

В статье рассматривается вопрос соотношения религиозно-интеллектуальных позиций Н. О. Лосского и его сына В. Н. Лосского. Представлен проект духовного описания внутреннего мира отца в его соотнесённости с богословской системой сына. Обозначены направления духовного развития Н. О. Лосского в контексте формирования его религиозно-философской системы, выделены ключевые моменты, определившие его религиозное обращение. Даётся характеристика рождения сына — В. Н. Лосского, — которое являлось переломным моментом в духовной биографии Н. О. Лосского; определяется степень духовного значения и преобразующий результат отцовства.

Ключевые слова: В. Н. Лосский, Н. О. Лосский, православное богословие, религиозная философия, русская религиозно-философская мысль.

N. O. Lossky and V. N. Lossky: Synchronicity in Spiritual Genesis of Their Views in Religious Philosophy and Theology

Sergey A. Kolesnikov

Doctor of Philology

Vice-rector for Scientific Affairs of Belgorod Orthodox Theological Seminary

Professor of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

75 Belgorodsky Av., Belgorod 308009, Russia

skolesnikov2015@yandex.ru

For citation: Kolesnikov, Sergey A. "N. O. Lossky and V. N. Lossky: Synchronicity in Spiritual Genesis of Their Views in Religious Philosophy and Theology". *Theological Questions*, no. 1 (5), 2021, pp. 147–161 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2021.5.1.009

Abstract. The article attempts to correlate the religious and intellectual position of N. O. Lossky with the one of his son V. N. Lossky. The author presents a spiritual description of the father's inner world in its correlation with the son's theological system. The article outlines the main directions of N. O. Lossky's spiritual development in the context of the formation of his religious and philosophical system and highlights the key points that determined his religious conversion. The author describes the birth of a son of N. O. Lossky – the future theologian V. N. Lossky – which became a turning point in the spiritual biography of N. O. Lossky himself. The article also attempts to determine the degree of spiritual significance and transformative effect of fatherhood.

Keywords: N. O. Lossky, Orthodox theology, religious philosophy, Russian religious and philosophical thought, V. N. Lossky.

Николай Онуфриевич Лосский и Владимир Николаевич Лосский, отец и сын, знаменуют собой особые этапы развития отечественного религиозного духовно-интеллектуального и богословского направлений. В случае с Владимиром Лосским морфология биографии усложняется значимостью его знаменитого отца Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965), основателя интуитивизма в отечественной философии, доктора философии, профессора Петербургского университета, автора целого ряда фундаментальных работ, внёсших значительный вклад в «онтологию и метафизику, философскую психологию, антропологию, логику, этику, эстетику, социальную философию»¹. Рассмотрение отцовства как христианской категории позволяет увидеть новые аспекты духовного становления богослова. Само понятие отцовства в христианстве имеет особое значение, так как «исследование образа отца в Библии равнозначно рассмотрению общей направленности библейского богословия в миниатюре. Основные моменты следующие: 1) отцовство как идеальный образец, созданный на благо Самим Богом, 2) отход падшего мира от соответствия идеалу и 3) Бог как совершенный Отец, Который один может исправить несоответствие»². В образе отца, зафиксированном библейской традицией, представлен сложнейший богословский комплекс, который нельзя не учитывать при обращении к началу биографического пути В. Н. Лосского.

Выяснение аспектов становления личности В. Н. Лосского требует хотя бы краткого очерка духовной эволюции и религиозного состояния его отца, Н. О. Лосского. Опыт самоанализа, проделанный Н. О. Лосским в книге «Воспоминания. Жизнь и философский путь», точнее опыт «автобиографичности»³, — уникальный проект, который создавался Н. О. Лосским на протяжении практически всей жизни. Авто-аналитический портрет, прорисованный данной книгой, позволяет увидеть — конечно, с точки зрения самого отца — как формировались биографические контуры его мировидения. Последовательность воспоминаний (и здесь память выступает как условие констелляции пластов бытия!) даёт возможность выстроить конфигурацию «опорных точек» духовно-религиозного портретирования Н. О. Лосского.

1 *Мотрошилова Н. В.* Лосский Николай Онуфриевич // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 454.

2 *Словарь библейских образов / ред. Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман.* СПб., 2005. С. 735.

3 *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. München, 1968. (Slavische Propyläen; Bd. 43). S. 22.

Для фиксации духовно-психологического портрета Н. О. Лосского результативной представляется методика соположенности конкретики событийного ряда, тех реальных фактов его биографии, которые сохранились в мнемо-фиксациях, и онтогенетической канвы, в чьих рамках происходили качественные изменения в духовном мировоззрении Н. О. Лосского. Через призму биографического события, выступающего уже как единица просопо- и био-графического исследования (с сохранением всех метафизических смыслов и аллюзий), можно выявить динамику развития личности по направлениям характеристики личности как изменения её целостности, степени пластичности, информационного компонента, взаимодействия со средой, интеллектуальной и духовной (что сложнее!) результативности и т. д.⁴ В современном научном аппарате существуют разработанные методики установления личностной динамики с большей или меньшей степенью верификации, но вопрос осложнён тем, что преимущественное внимание уделено патологии, конфликтности, дисгармоничности и безблагодатности процесса личностной динамики (в основном выделяется четыре основных вида критических событий: стресс, фрустрация, кризис и конфликт)⁵. В случае с Н. О. Лосским ситуация иная, ведь процесс развития христианской личности осуществлялся в векторе благодатности, что, конечно, не исключает и кризисных этапов. Духовно-психологическое портретирование в христианском ключе обращается к качественно иным проблемам: открытости человека Богу в своей стадийной этапности, внимания, покаяния, смирения, стяжания благодати...⁶ И в аспекте благодатности биографические события, явленные в мемуарном и философско-духовном наследии Н. О. Лосского, оказываются уникальным материалом для реконструкции духовного портрета отца, благодаря которому — и физически, и духовно — реализуется возможность появления в мире богослова В. Н. Лосского.

Изначальным импульсом в понимании специфики натальности духовного пути отца становится сохранение в духовно-мировоззренческом базисе уверенности в благодатности мира. Практически все воспоминания отца о собственном детстве пронизаны этим светом ощущаемой, непреходящей благодати. Одна из первых фраз воспоминаний — собственно, эпиграф — фиксирует благодатность детства: «эфирное величие природы», «образы, пронизанные чистым светом изнутри»⁷.

4 Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984.

5 Васильюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.

6 Подробнее см.: Зенько Ю. М. Душевные состояния в христианской психологии. СПб., 2020.

7 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 9.

Ощущение, призывание и принятие благодати есть та изначальная онто-генетическая площадка, с которой начинается своё просопографическое исследование Н. О. Лосский.

Конечно, реальность, в которой происходило становление Н. О. Лосского, не выглядела идилично-пасторальной; скорее, напротив, биографические реалии чаще всего испытывали на прочность его духовную целостность и крепость. Но эти испытания не подавили окончательно то, детское восприятие Лосским реальности; более того, подчас они даже оживляли это восприятие в его душе. Так, яркое переживание Н. О. Лосским глубинной красоты мироздания вырастает из его тяжёлой болезни: «Став взрослым, я видел мир наяву в этом его глубинном аспекте только однажды в начале выздоровления от тифа»⁸ Но далее мир, воспринимаемый после страдания, уподоблен райскому саду: «...Я подошёл к окну и увидел яблони в саду; это было в июне, они уже отцвели, но ликующая яркость и свежесть их листы была пронизана такую же чарующею жизненностью, как и весной, когда деревья покрыты цветами»⁹ (теснейшая констелляция — осознанная или нет? — этого описания с фрагментом «Гимна о рае» Ефрема Сирина: «Красотою своею исполняет он [рай. — С. К.] радости и влечёт к себе шествующих, осиявает их блистанием лучей, услаждает своим благоуханием. Светоносные облака образуют из себя кущи для соделавшихся достойными его»¹⁰). В изначальном мировосприятии Н. О. Лосского не только внешний мир, но и люди предстают пронизанными благодатью: они предстают существами «из какого-то другого, высшего мира»; человеческое тело, «...сотканное из света... было лучистым, особенно лучезарны были волосы. Если бы мы видели всех людей в этом аспекте их бытия, сколько новой красоты открылось бы нам»¹¹ (ещё одна параллель с Ефремом Сириным: «Нисходят из кущей своих сыны света...»¹²). Близкое совпадение святоотеческого текста и текста воспоминаний отца даёт возможность увидеть в последующих богословских изысканиях сына, стремящегося возродить актуальность святоотеческого наследия, особый провиденциальный смысл, связующий в неразрывное духовное единство мироощущения Н. О. Лосского и В. Н. Лосского.

Парадоксальная память о благодати, память о грядущем стяжании благодати помогает преображённо воспринимать биографические

8 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 9.

9 Там же.

10 Ефрем Сирин, *прп.* О рае // Ефрем Сирин, *прп.* Творения. Т. 5. М., 2014. С. 239.

11 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 9.

12 Ефрем Сирин, *прп.* О рае // Указ. соч. С. 239.

эпизоды отца — даже самые непростые — в свете промыслительного благоустройства. А биография Н. О. Лосского полна испытаний, начиная с самого юного возраста. Перечень экстремальных ситуаций, в которые попадал Н. О. Лосский, начинается с несчастного случая («я едва не погиб от ожогов, собака опрокинула кипящий самовар на меня»¹³, который только открывает череду искушений и препятствий, наваливавшихся на Н. О. Лосского. Ранняя смерть отца, когда ребёнку было 10 лет; страдания матери — «до сих пор в ушах моих стоят рыдания матери»¹⁴; потрясение от ухода родителя — «потрясающее впечатление произвели на меня удары комьев земли о крышку гроба, когда стали закапывать могилу»¹⁵, — всё это формирует изначальную духовно-психологическую палитру становления личности Н. О. Лосского.

Дальнейшая жизнь также не была простой, и немалое место в ней занимают страдания — духовные и физические. Опыт преодоления этих страданий подготавливал детское восприятие Н. О. Лосского к поиску смысла этих страданий, к поиску ресурсов, позволяющих обосновать и преодолеть эти страдания. Одиночество в Витебской гимназии, мучительные — буквально: «Я сгибаю палец, он [одноклассник] схватывает его и сильно прижимает верхний сустав к нижнему, боль получается невыносимая, стон вырывается из моей груди»¹⁶, — отношения со сверстниками; унижения и осознание своей незащитности («мой сосед ударил меня по лицу грязными потными носками, что было непереносимо отвратительно»¹⁷), отсутствие полноценных коммуникативных контактов в школьной среде («у меня прекратились отношения со всеми мальчиками в нашей комнате. Среди своих товарищей я жил в полном одиночестве, которое тяжело угнетало меня своей крайней ненормальностью»¹⁸), молчание и отчуждение, длившееся около двух лет, — таковы психологические параметры атмосферы, определяющей становление личности Н. О. Лосского в школьные годы.

Показательно, что воспоминания Н. О. Лосского о реальных фактах своей ранней биографии пронизаны такими «когнитивно-перцептивными моделями» (А. Р. Брюн)¹⁹, которые преимущественно сориентированы

13 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 11.

14 Там же. С. 22.

15 Там же. С. 23.

16 Там же. С. 25.

17 Там же. С. 26.

18 Там же. С. 30.

19 Bruhn A. R. Cognitive Perceptual Model and the Projective Use of Autobiographical Memory // Journal of Personality Assessment. 1990. Vol. 55. No. 1–2. P. 95–114.

на воспроизведение негативного опыта детства. Но негатив заканчивается, как только Н. О. Лосский начинает вспоминать об идеалистической реальности, в рамках которой проходило его детство. Показательным является присутствие границы — по крайней мере, именно так вспоминает своё детство мемуарист — между угнетающей школьной реальностью и укрепляющей духовной сферой, причём церковно-духовной сферой: «Глубокое утешение во всех своих бедах я находил в церкви. Свою детскую религиозность я сохранял в полной мере. Вечером перед сном я становился на колени и молился»²⁰. Мемориальная схема на протяжении десятилетий — не забудем, что пишет воспоминания человек уже весьма преклонного возраста — сохранила именно ощущение раздела между фактами реальной биографии и духовными состояниями, и именно в «междумирии» вспоминающее сознание стремится увидеть тот ресурс, который позволил преодолеть все испытания детства. Опыт нахождения «между», осознание духовной и душевной результативности открытости мирам, принципиальной открытости материального и идеалистического миров позднее станет духовно-философским основанием для теории интуитивизма, и такой подход будет определять воспитательные стратегии по отношению к собственным детям.

Вместе с тем говорить об идеализации религиозного чувства Н. О. Лосским не приходится, его детские воспоминания о религиозной жизни также наполнены фобиями, что будет ещё одной параллелью с первоначальным религиозным опытом сына: «В моей детской религиозности тягостной стороной был мучительный страх ада и адских мук»²¹. Страх смерти во многом определял воспоминания о детстве, но одновременно мемуарист, исходя из своего опыта преодоления страха, — осознанно или неосознанно — обретал уверенность и черпал духовные силы в том прошлом, которое, несмотря на всю свою сложность, позволило обрести опыт победы над своими страхами, опыт преодоления неудач и ошибок. А перечень испытаний, выпадающих на взрослеющего Н. О. Лосского, продолжал шириться. Даже краткий обзор этих испытаний показывает, каким непростым был биографический путь Н. О. Лосского, и причина сложности таилась в не всегда адекватном восприятии реальности и своих возможностей. И здесь опять на первый план выходит духовная составляющая, или, как её определял сам Н. О. Лосский, «сторона несомненного зла в моем душевном состоянии»²².

20 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 31.

21 Там же. С. 11.

22 Там же. С. 42.

Опыт взрослого человека представляет искажённость мировоззрения подростка в следующем: «Внимание моё было слишком односторонне сосредоточено на рассказах о несправедливостях администрации, о злоупотреблениях её... Передавая эти рассказы, я приходил в состояние крайнего волнения, у меня делались сердцебиения... бессонница. Из такого настроения возникает у молодёжи доверие даже и к клеветнической демагогии революционных изданий»²³. Увлечённость злом, «неправильным» мироустройством оказались тем импульсом, который нарушил целостность и благодатность детского восприятия бытия.

Искажённая оптика зла, неумение адекватно оценить негативную сторону реальности, потеря гармонии в восприятии всей полноты действительности спровоцировали у Н. О. Лосского кризис веры — столь частое явление у интеллигентских кругов рубежа XIX–XX веков.

Юношеская аберрация зла повлекла за собой негативное отношение к Церкви. Всё тот же «классический набор» обвинений в клерикализме, в «...злоупотреблениях в монастырях... корыстности духовенства»²⁴ закономерно привёл к тому, что «не прошло и месяца, как я уже отверг не только Церковь и религию, но и даже бытие Бога. Не было вблизи меня в это время авторитетного и знающего человека, который научил бы меня отличать идеальную сущность христианства от земных искажений его»²⁵. И с момента искушения безверием начинается череда неприятностей, метаний и искушений, которые предстояло преодолеть юноше.

Таковым, например, является эпизод спонтанной, непродуманной заграничной поездки Н. О. Лосского со всей атрибутикой авантюрного романа: «малоосвещённые углы вокзалов»²⁶, тайные притоны, контрабандисты, подкупленные полицейские, переезд через «пограничный ручеёк, и, как закономерное следствие, — полное отсутствие средств к существованию, нищенство в Вене, «миска горохового супа, каша и краюха хлеба»²⁷. Затем последовали непростые реалии эмигрантского быта, в условиях которого «нередко я предавался мечтам о своей будущей известности, славе, не имея для этого никаких оснований»²⁸. Вместе с тем в сознании Н. О. Лосского в этот период, очевидно, не утрачивает

23 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 42.

24 Там же.

25 Там же.

26 Там же. С. 47.

27 Там же. С. 49.

28 Там же. С. 52.

своей актуальности и духовная сфера, но под влиянием кризиса веры духовное мировосприятие изменилось в сторону мистико-окультистских страхов. Символическим эпизодом с журналом «Ребус» (издаваемым В. И. Прибытковым и пропагандирующим спиритуализм и мистицизм), рисунка из которого испугался молодой Н. О. Лосский²⁹. Ирония, с которой вспоминает мемуарист эпизод, всё же не может скрыть впечатление мистического страха, испытанного им, учитывая то, что воспоминания об испуге от захрапевшей журнальной картинке сохранились у Н. О. Лосского на протяжении нескольких десятилетий. К категории мистических можно отнести и оккультно окрашенный эпизод с посещением могилы М. Бакунина и неосуществлённым предложением вырыть череп теоретика анархизма из могилы³⁰, и исчезающую с привычного места таинственным образом зубную щётку...³¹

Конечно, в добровольно-эмигрантский период духовность и религиозный поиск не оставляют полностью сознание Н. О. Лосского. Но явно стратегия поисков личностной цельности в эти годы — годы вынужденного «сиротства» со всеми духовными аномалиями такого состояния — выстраивалась как попытка подавления идеалистически-религиозного мировосприятия материалистическим. Мир материализма перешёл в наступление на мир духовности и религиозности. Н. О. Лосский вспоминал, что ему «подсовывали, конечно, и такие книги, как «Слепая вера и наука» Фогта, которые были мне по плечу, и укрепляли во мне материалистическое, атеистическое миропонимание»³². Перечень антирелигиозных теоретиков пополняли имена Ф. Лассалья, А. Герцена и прочих, которые обрушились на сознание семнадцатилетнего юноши в искушении отказа от Бога. Соблазнение «малых сих, верующих» во Христа (см. Мф. 18, 6), и есть ёмкая характеристика той ситуации, в которой оказался молодой человек, выброшенный из привычного окружения и проверенных духовных традиций.

Закономерно, что в таком состоянии, под воздействием бедности и ухудшения здоровья, в ситуации оскудения духовного воздействия возникает «фантастический план» о поездке в Алжир, который привёл молодого человека в сети вербовщиков Иностранного легиона³³. Смятенность состояния юноши, всё усиливающаяся дисгармония того

29 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 52.

30 Там же. С. 55.

31 Там же. С. 56.

32 Там же. С. 52.

33 Там же. С. 57–58.

казарменного существования, в котором он оказался, малоэффективные попытки сохранить хотя бы видимость духовной жизни (показательно, что кощунственные высказывания в армейской среде всё же вызывают неприятие Лосского-солдата, стремящего сохранить душевную чистоту), стремление хоть как-то активировать свою интеллектуальную деятельность (единственная книга в казарме: учебник физики К. Д. Краевича, «Учебник физики. Курс средних учебных заведений. 1880 г.» — учебник из гимназических времён, — как последняя нить, связующая легионера Лосского с утраченным миром, с миром, из которого он был изгнан) — всё это не могло не привести к уже душевному кризису: «Угнетаемый все более и более резким различием между средою, в которую я попал, и моим душевным строем, я решился, наконец, на отчаянный поступок — притвориться душевно больным и таким образом освободиться от военной службы»³⁴. Кризис веры привёл к кризису души, к душевному расстройству — пусть и сымитированному. Бегство к свободе без Бога дало противоположный результат: Н. О. Лосский оказывается в одиночной камере военного госпиталя (показателен поиск мемуаристом уже через десятилетия «промыслительного значения» алжирского вояжа), а затем, после череды новых авантюрных приключений — опять через символический «пограничный ручеёк» — снова в России. Круг эмигрантских скитаний уроборосно замкнулся в той точке, с которой начинался. Предстояло начинать новый этап своей биографии, и изменить свою линию жизни можно было, только кардинально изменив всю систему ценностей, прежде всего ценностей духовных.

Перечень событий в новых условиях переезда Н. О. Лосского в конце 1889 г. в Петербург — бухгалтерские курсы, возвращение в восьмой класс гимназии (в двадцатилетнем возрасте с обязательным ношением ученического ранца по петербургским улицам: мир детства и взрослости смешался в тесном пространстве ученической сумки), поступление и завершение естественного отделения физмата Петербургского университета, поиск себя в агрономии, анатомии и пр. — показывает траекторию непростых поисков себя. В качестве основного вектора этих поисков необходимо указать стремление раскрыть границы разных по своему онтологическому статусу сфер. Опыт нахождения на границе миров, открытый в детстве, вёл Н. О. Лосского к пониманию результативности состояния «междумирия» и для взрослого человека.

Показательным является сочетание двух факультетов — физико-математического и историко-филологического — которые (оба с дипломом первой степени) окончил Н. О. Лосский. Выбор научно-профессиональной стези в области философии, со всеми перипетиями этого выбора, совпал с событиями в личной жизни: знакомством со своей будущей женой Л. В. Стоюниной, дочерью известных педагогов В. Я. и М. Н. Стоюниных. И именно брачное таинство, тоже имевшее особую мистическую значимость для Н. О. Лосского, — фамилия Стоюнина на обложке одной из книг в витрине магазина была первым и глубоко запавшим в память событием знакомства с Петербургом — и подводит нас к главной теме: к рождению и детству В. Н. Лосского.

Но событие рождения в своей натальности неизбежно соприсутствует танатосным тенденциям. Открытость этим двум мирам — жизни и смерти — во многом определяло сложность душевного и духовного состояния Н. О. Лосского в начале XX столетия, и вызов этой открытости ощущался всем Серебряным веком, в который вошло российское общество. Опасность духовно-душевного искушения, набирающего свой размах в России «рубежа веков» (Андрей Белый) можно осознать хотя бы при анализе только одной социологической «детали»: эпидемии самоубийств.

Тема суицидальности в разговоре о натальности детства В. Н. Лосского выбрана неслучайно, ведь самоубийство — самая яркая антитеза рождению. Корней Чуковский (неразрывно связанный с детской тематикой) опубликовал в 1912 г. статью-диагноз со знаковым названием «Самоубийцы», в которой дал характеристику суицидальности этого периода: «*Самоубийца* теперь как бы чин, как бы звание, как бы даже постоянная профессия. Бывают: адвокаты, доктора, а бывают и *самоубийцы*. Им из-за чего ни стреляться, лишь бы непременно застрелиться: “нет причины — тоже причина”, таков у них нынче девиз»³⁵. Социальная маркировка самоубийцы позволяет увидеть суть духовно-экзистенциальных вызовов, в атмосфере которых происходили встречи родителей В. Н. Лосского, в атмосфере которых произошло его рождение. Жажда смерти, соблазнительность смерти, приоритет танатосности в мировоспринимающих установках — всё это формировало духовно-душевный ландшафт Серебряного века. Достаточно представить статистические данные, подтверждающие тезис о нарастающей тенденции суицидальной эпидемии. Социолог того времени Д. Жбанков приводил следующие

35 Чуковский К. Самоубийцы // Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. М., 2003. С. 562.

цифры: «В Петербурге в 1905 г. — свыше 29 покушений и самоубийств; в 1908 — ежемесячно покушались на свою жизнь — 121 и в 1909 — 199 человек в месяц, с лишком в 5 раз больше»³⁶. В целом, в 1910–1913 гг. уровень самоубийств составил 30 чел. на 1000 (показательно, что в 1914 г. число самоубийств упало в 3 раза. Суицидная форма деструктивности сменилась на более разрушительную — мировую войну, а затем и войну гражданскую).

Особенно опасной эта тенденция становилась в интеллигентских кругах, к которым принадлежали Н. О. Лосский и Л. В. Стоюнина. Причина — в суицидальной агитации и идеализации смерти в литературе того времени, в произведениях Л. Андреева, М. Арцыбашева, Ф. Сологуба, В. Брюсова, М. Кузьмина и многих других. Смещение жизни и смерти как эстетико-духовный соблазн (А. Ханзен-Леве: «...В диаволике эстетизма смерть и красота тождественны, и вообще, каждый элемент поэтического мира эстетизма одновременно означает свою противоположность»³⁷) определял атмосферу рубежа веков посредством самоубийства. Лишение тела своей «доли», отрицание «телесного существования, которое протекает во мне без моего участия» (М. Мерло-Понти)³⁸, провоцировали заключение неравноправного «оммажа» между телом и сознанием, что было характерным для общественной ситуации эпохи, в которой родился В. Н. Лосский.

Брак и рождение первенца в 1903 г. становятся для Н. О. Лосского особым этапом духовно-религиозного возрождения, началом возвращения к духовным смыслам. Если попытаться хотя бы пунктирно обозначить эту историю преодоления безверия, в основании которого заложено понятие чуда, то ключевым моментом можно считать венчание с Л. В. Стоюниной. Именно с начала семейной жизни, что в воспоминаниях Н. О. Лосского чётко обозначено, начинается его религиозное преображение. Процесс возвращения к вере, конечно, ещё только начинается, эти изменения ещё сложно маркировать как полноценную религиозную жизнь, но само обращение к духовно-религиозным и, в первую очередь, к церковным смыслам показывают мощь нарастающих процессов в сознании Н. О. Лосского. Венчание становится для старшего Лосского поводом для самоанализа своего духовного состояния, заставляет его осмыслить критерии и параметры своего отношения к христианству:

36 Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. № 3. С. 27.

37 Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 46.

38 Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 218.

«Согласно церковным правилам, за несколько дней до венчания необходимо было исповедоваться и причаститься. Я сказал о. Николаю о своём неверии, он исповедал меня и разрешил мне не подходить к причастию. <...> Своей службой он [отец Николай. — С. К.] пробуждал ясно осознание того, что венчание есть таинство, завершающее и оформляющее духовно-телесную связь, создающее в органическом целом Церкви новое единство, поддерживаемое сверхчеловеческой силой»³⁹.

Начало семейной жизни стало для Н. О. Лосского началом нового сближения с Церковью, возможность дать новую жизнь своему ребёнку заставила его пересмотреть основы своей собственной духовной жизни. Венчание, происходившее в пятиглавой церковке, построенной в 1878 в г. Веве (Швейцария) на средства графов Шуваловых⁴⁰, последующее рождение первенца, В. Н. Лосского, непростые и даже драматичные события, связанные с этим рождением, — всё формировало качественно новую модель духовного мировосприятия, которая требовала от Н. О. Лосского как главы семейства и отца кардинального переосмысления всей личной аксиологической системы. «Диалектика чуда» вместе с обретением статуса семейного человека и рождением ребёнка ворвалась в, казалось бы, незыблемую конструкцию позитивистского отношения к реальности. И эта конструкция закономерно не выдержала стремительного напора чудесного. «Параметрия» чуда, позднее определяемая А. Ф. Лосевым как «совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с её идеальным заданием»⁴¹, в биографическом случае Н. О. Лосского нашло своё воплощение в чудесном преображении сознания после «эмпирики» венчания и рождения сына. Идеальное задание предстало в своей неизбывности перед позитивистом Н. О. Лосским в виде чудесного и промыслительного спасения новорождённого сына, ведь обстоятельства родов были весьма экстремальными. «Роды, — вспоминал Н. О. Лосский, — были очень тяжёлыми вследствие неправильного положения ребёнка. Они длились 60 часов; сердце матери стало ослабевать, поэтому профессор Мюллер решился наложить петлю на ножку ребёнка, чтобы извлечь его. Он предупредил нас, что ножка будет сломлена, но это необходимо для спасения жизни матери. Так появился на свет старший сын наш Владимир в день Св. Духа 26 мая (старого стиля) 1903 г. У него

39 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 111.

40 Там же. С. 324.

41 Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 555.

была сломлена правая нога у самого бедренного сустава. “Этот ребёнок потерян”, сказал профессор»⁴². Но вопреки прогнозу ребёнок выжил, что и стало, очевидно, толчком к принятию отцом, пусть ещё в начальной фазе, возможности актуализации чудесного.

Чудо входит в жизнь, в «эмпирическую историю» Н. О. Лосского вместе с рождением сына. И если принять определение чуда, сформулированное митрополитом Феофаном (Туляковым): «Христианское чудо есть видимое, поразительное, сверхъестественное явление в физическом мире, в телесной, в духовной природе человека и в истории народа, производимое личным, живым Богом для достижения человеком религиозно-нравственного совершенствования»⁴³, — то именно рождение первенца становится важным этапом в духовном совершенствовании отца. Соположенность личной биографии (определение А. Ф. Лосева) и Божественности (определение Феофана Кронштадтского) в «континууме» чуда активируют у Н. О. Лосского идеально-сакральную интуицию, саму способность быть открытым чуду и открывать чудесное в окружающей реальности. Столкновение биографического факта и чудесного события (со-бытия) высекает искру, в свете которой кардинально преобразилась восприятие всего мироздания, в том числе и в научно-философском, не говоря уже о духовном, аспекте.

Библиография

- Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984.
- Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984.
- Ефрем Сирин, прп. О рае // *Ефрем Сирин, прп.* Творения: в 8 т. Т. 5. М.: Русский издательский центр имени св. Василия Великого, 2014. С. 238–273.
- Жбанков Д. Современные самоубийства // *Современный мир.* 1910. № 3. С. 23–31.
- Зенько Ю. М. Душевные состояния в христианской психологии. СПб.: ЦХПА; ООО «Контраст», 2020.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа // *Лосев А. Ф. Из ранних произведений.* М.: Правда, 1990. С. 393–599.
- Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. München: Wilhelm Fink, 1968. (Slavische Propyläen; Bd. 43).
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука; Ювента, 1999.

42 Лосский Н. О. Воспоминания. С. 115.

43 Феофан Кронштадтский, еп. Чудо, христианская вера в чудо и её оправдание: опыт апологетически-этического исследования. Пг., 1915. С. 96.

- Мотрошилова Н. В.* Лосский Николай Онуфриевич // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 453–454.
- Словарь библейских образов / ред. Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман. СПб.: Библия для всех, 2005.
- Феофан Кронштадтский, еп.* Чудо, христианская вера в чудо и её оправдание: опыт апологетически-этического исследования. Пг.: Синодальная тип., 1915.
- Ханзен-Леве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999.
- Чуковский К.* Самоубийцы // *Чуковский К.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. М.: Терра — Книжный клуб, 2003. С. 561–574.
- Bruhn A. R.* Cognitive Perceptual Model and the Projective Use of Autobiographical Memory // *Journal of Personality Assessment.* 1990. Vol. 55. No. 1–2. P. 95–114.